**ПОИСКИ ОСНОВАНИЙ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
САМОСОЗНАНИЯ ПОСЛЕ 2014 Г.: КОНТЕКСТ ФРОНТИРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ¹**

Бараш Р. Э.

DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10027

Бараш Раиса Эдуардовна,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.
Эл. почта: raisabarash@gmail.com

Обращаясь к результатам социологических исследований последних лет, автор фиксирует, что современную коллективную идентичность фактически фундирует советская система ценностей. Среди национальных достижений последних лет – лишь присоединение Крыма и успехи вооруженных сил. Одновременно исследования свидетельствуют об изменениях представлений граждан о территориальных границах, «присущих» российской общности. Все реже после 2014 г. россияне ощущают, что гражданская идентичность территориализируется через выделенное право России на символическое присвоение постсоветского пространства. Все чаще коллективное «мы» в «посткрымской» России обнаруживает себя через локализацию в государственных границах.

В нарративе «возвращения Крыма домой» сошлась готовность многих граждан отказаться от имперских настроений в отношении постсоветского пространства и их ощущение ключевой для современной российской идентичности роли советского наследия. К середине 2010-х гг. в восприятии Крыма многими россиянами как гетеротопии, «многослойного» «места памяти» сошлись представления о нарастающей изоляции, инаковости, отличности, в первую очередь, от ближайших соседей, и потребность в национальной мобилизации. Это и привело к тому, что к середине 2010-х гг. Крым для современной российской идентичности превратился в своеобразный культурный фронтир, удостоверивший состоятельность той системы ценностей российского общества, что была актуально востребована гражданами. Так что массовое ликование по поводу присоединения Крыма происходило не из массовых реваншистских настроений россиян, но из попытки символически «связать» российское настоящее со славным советским прошлым.

Ключевые слова: идентичность, политическая нация, фронтир, граница, Крым, «место памяти», ценности, ирредента, сецессия, память

Текучая современность требует регулярно пере-обозначать основания коллективных идентичностей. В отличие от ряда

¹ Статья подготовлена автором в рамках проекта ФНИСЦ РАН «Россия и мир: взаимодействие внутренних и внешних факторов развития страны и их отражение в массовом сознании»

постсоветских политических наций, выстраивающих новую суверенную национально-культурную мифологию, или мультикультурных сообществ Северной Америки и Европы, воспроизводящих принцип справедливого представительства интересов, основания коллективной идентичности в современной России не очевидны. Еще в 2007 г. результаты социологических исследований свидетельствовали о дефиците идеологии, коллективных целей и интересов, которые могли бы объединить россиян (Российская идентичность..., 1998, стр. 90). Среди поводов для общенациональной гордости большинство россиян называли тогда события и достижения советской истории.

С течением времени содержательные представления граждан, особенно молодых, о советском периоде истории естественным образом становятся более абстрактными. Кроме того, в последние 4 года ряд событий ознаменовал невозможность «союзной реставрации» в какой бы то ни было форме. Противостояние между Россией и Украиной, намерение последней выйти из СНГ (что ранее уже сделала Грузия), последовательная суверенизация Беларуси (симптоматично в этом смысле непризнание российского статуса Крыма руководством РБ) свидетельствовали как о крушении позиций России в качестве лидера постсоветского пространства, так и об утрате советской мифологией в постсоветских республиках объединительного потенциала. Это ощущают и граждане России: с 2014 по 2018 г., по данным ФНИСЦ РАН, доля респондентов, считающих, что Россия должна быть лидером постсоветского пространства, постепенно сокращалась с 10 (Российское общество...2015) до 7%¹. В 2004 г. более половины респондентов в России (56%), Беларуси (55%), Украине (51%) и Казахстане (58%) считали предпочтительной для своих сограждан жизнь в союзе постсоветских государств, а не, к примеру, в Евросоюзе (Евразийский монитор, 2004). Но к 2017 г. опросы жителей бывших республик СССР фиксировали неуклонное снижение популярности и рост скепсиса в отношении каких бы то ни было форм сотрудничества постсоветских государств. Сама невозможность после 2016 г. реализовать очередные этапы многолетнего исследования интеграционных перспектив постсоветского пространства в Грузии и Украине является иллюстрацией состояния постсоветского сотрудничества (Интеграционный барометр ЕАБР, 2017, с. 6-7).

¹ Результаты исследования ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», 2018 г. Данные восьмой волны исследования.

Все реже после 2014 г. россияне ощущают, что гражданская идентичность территориализируется через выделенное право России на символическое присвоение постсоветского пространства. Все чаще коллективное «мы» в «посткрымской» России обнаруживает себя через локализацию в государственных границах. Если в 1999 г. Г. Гусейнов связывал существование в политическом дискурсе современной России словосочетания «ближнее зарубежье» с незавершенностью оформления постсоветских границ Российского государства (Гусейнов, 1999, с. 75), то сегодня россияне все реже признаются в симпатиях по отношению к идее участия России в политическом процессе постсоветских республик. По данным ФНИСЦ РАН, в 2017 г. лишь 14% опрошенных отнесли к числу актуальных задач российского государства защиту «русского мира» на постсоветском пространстве (Двадцать пять лет..., 2018, с. 93). Только 11% опрошенных согласились с тем, что россиян в нацию может сплотить панславистская идея объединения всех славянских народов. Более перспективной в этом контексте кажется возможность мультикультурного единения народов России (44%). Большинство же респондентов полагали, что стране необходимо сосредоточиться в первую очередь на усилении социальной справедливости и борьбе с коррупцией (51%), преодолении нефтегазовой зависимости экономики (42%), развитии науки, образования, здравоохранения, культуры (37%) и укреплении обороноспособности страны (28%) (Двадцать пять лет..., 2018, стр. 93).

В марте 2015 г., через год после присоединения Крыма, большинство граждан главными объединяющими политическую нацию атрибутами называли «факторы территории»: осознание гражданами своей государственной общности (66%) и территориального единства (54%). Объединительный потенциал «факторов культуры» казался россиянам менее значимым. Отвечая на вопрос о том, что их больше всего объединяет со всеми гражданами страны, россияне, помимо общности территории, называли общность языка (49%), исторического прошлого и культуры (по 37%), общность традиций и ощущение ответственности за судьбу страны (по 32%). (Российское общество. Книга пятая. 2017, с. 277).

Исследователи Евгеньева Т.В. и Селезнева А.В. пишут, что после 2014 г. представления многих граждан о символизации территории нации изменились. С одной стороны, предсказуемо актуализировалась идея расширения территории страны, в первую очередь за счет присоединения Крыма. С другой, отвечая на вопрос о том, где проходит государственная граница, россияне в Москве и иных крупных городах европейской части страны все чаще

ограничивали пространства России ее политическими границами, а то и территорией до Урала (Евгеньева, Селезнева, 2017, стр. 56).

Рассуждая в контексте парадигмы фронта, можно отметить, что тенденции внешнеполитической изоляции привели к постепенному затуханию в массовом российском сознании «имперской» доминанты, ориентированной на территориальное господство, присвоение «права владеть пространством» и культуртрегерские амбиции (Басалаева, 2012) в отношении постсоветских территорий. После событий «Крымской весны» и пост-санкционного ухудшения уровня жизни «имперские амбиции» в отношении постсоветских республик, если они и были, рассеялись. И в сознании россиян географические и политические границы жизни нации сблизились.

Изменение представлений россиян о границах «жизни» политической общности сказывается и на коллективном самосознании. Как справедливо отмечает Д.Н. Замятин, через географические образы социокультурные общности обживают, осваивают окружающий мир не только физически, но и экзистенциально. Моделируемые географические образы являются частью феноменологии культуры (Замятин, 2006, с. 16). Соответственно, изменение географических границ, присущих группе, тесно связано с ее самоощущением. Эд. Штэльтинг приписывает границе способность создавать различия между «здесь» и «там», таким образом прямо влияя на коллективную идентичность (Штэльтинг, 1999, с. 6).

Советские основания современной российской идентичности

Логичным кажется предположение, что постепенное «затухание» имперской доминанты в отношении постсоветского пространства связано и с неуклонным изменением роли советских маркеров в структуре российской идентичности. Ф. Барт, подчеркивая несовпадение культурных и территориальных границ, полагал, что культурные черты, обозначающие границу, неизбежно изменяются вслед за «движением» этих границ (Барт, 2006, с. 14).

Однако недавние результаты социологических исследований, подтверждают обратное. Если россияне все чаще отказываются от «присвоения» постсоветской территории, то симпатии советской мифологии и наследию советского прошлого за последние несколько лет только укрепились. Результаты социологических исследований ФНИСЦ РАН демонстрируют, что россияне находят символы величия

страны главным образом в советской истории. Отвечая в 2016 г. на вопрос о том, чем из прошлой истории страны сегодня можно гордиться, россияне называли Победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (76%), восстановление страны после Великой Отечественной войны (59%), наследие выдающихся деятелей искусства и культуры (52%) и первый полет в космос Юрия Гагарина (46%). (Двадцать пять лет..., 2018). При этом данная четверка символов государственного величия неизменна с 1990-х гг. В 1998 г. результаты опроса Института социологии РАН свидетельствовали о том, что среди событий отечественной истории в качестве поводов для национальной гордости граждане называли Победу Советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. над нацистской Германией (81%), восстановление страны после Великой Отечественной войны (70%), великих российских поэтов, писателей, композиторов (63%). (Российская идентичность... 1998, стр. 92). До 2016 г. в числе основных поводов коллективной гордости респонденты ИС РАН также называли достижения космонавтики и космической сферы (но в 2016 г. этот вариант ответа был недоступен для выбора из-за изменения методики опроса).

Популярность Отечественной войны 1941-1945 гг. в качестве основного повода для национальной гордости подтверждают и результаты интервью со студентами вузов, проведенных Лабораторией политических исследований НИУ Высшей школы экономики. В. Касамаара и А. Сорокина приводят данные о том, что Победа в войне на протяжении многих лет остается для молодежи главным событием в истории страны (Страна глазами..., 2018).

Среди событий современной истории поводами для национальной гордости граждане в 2016 г. называли российскую армию (35%), авторитет России в мире (27%), воссоединение России с Крымом (26%) и достижения российских спортсменов (24%) (Двадцать пять лет..., 2018, с. 186-188). Схожие данные приводит ВЦИОМ. В ноябре 2018 г. в числе главных событий, объединяющих нацию, россияне назвали победу в Великой Отечественной (63%) и присоединение Крыма (12%). (Единство нации, 2018).

Обстоятельства же становления «новой суверенной России» – гласность и перестройка периода М. Горбачёва, переход России к рыночной экономике при Б. Ельцине, – вызывают гордость лишь у 2 и 1,5% опрошенных, соответственно. (Российское общество..., 2016).

	1998	2007	2016
Победой Советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. над нацистской Германией	81	67	76
Восстановлением страны после Великой Отечественной войны	70	61	59
Великими российскими поэтами, писателями, композиторами	63	56	52
Достижениями космонавтики и космической техники	60	54	* ¹
Первым успешным полетом в космос Юрия Гагарина в 1961 году	52	42	46
Российской армией	16	14	35
Авторитетом России в мире	22	16	27
Воссоединением России с Крымом	*	*	26
Достижениями российских спортсменов	34	26	24
Выдающимися российскими царями и императрицами	12	10	9
Ликвидацией «железного занавеса» между Россией и остальным миром в 1990-е годы	14	14	8
Освобождением крестьян в 1861 году от крепостного права	15	6	7
Мучениками и святыми русской православной церкви	10	6	7
Октябрьской революцией 1917 года	8	7	6
Переходом России к рыночной экономике периода Б. Ельцина (успехами в создании рыночной экономики)	2	3	2
Гласностью и перестройкой периода М. Горбачева	4	3	2
Гордиться нечем	2	3	3

Таблица №1. Как Вы считаете, чем из прошлой истории страны может сегодня гордиться гражданин России? (Выберите не более 5-ти ответов)

Спустя почти четверть века после распада СССР россияне откровенно симпатизируют советскому периоду истории. По данным ВЦИОМ, в ноябре 2016 г. 63% опрошенных россиян сожалели о распаде СССР (10 годами ранее, в 2006 г. этот показатель составлял 68%). Одновременно за десять лет на 10% (с 47% в 2006 г. до 57% в 2016 г.) увеличилась доля респондентов, уверенных в том, что распада СССР можно было избежать (Back in the..., 2016). По данным ФНИСЦ РАН, осенью 2017 г. 45% респондентов в той или иной степени негативно оценили распад СССР. Среди них 19% опрошенных назвали распад союза катастрофой мирового значения, еще 26% – бедой многих жителей постсоветских республик. Положительно оценили распад Союза лишь 9% опрошенных (Двадцать пять лет..., 2018, стр. 24). Только 11% граждан согласились с точкой зрения, что «советская власть, несмотря на отдельные достижения, завела страну в тупик».

¹ * данная формулировка ответа отсутствовала в вариантах ответа на вопрос

В марте 2016 г. 64% заявили о готовности проголосовать за сохранение СССР. Подчеркнем, что о такой возможности заявили 47% молодых респондентов в возрасте 18–24 лет, родившихся после распада СССР (и 76% респондентов старше «идейно-политического возраста» – 60 лет). (СССР: сказка..., 2016).

По данным опроса Института социологии ФНИСЦ РАН, в 2017 г. почти половина россиян (46%) признались в том, что они в той или иной степени отрицательно относятся к переходу к рыночной экономике в 1991 г. (скорее отрицательно – 26%, безусловно отрицательно – 20%)¹. Немало среди россиян и тех, кто симпатизирует внешнеполитическому положению Советского Союза. По данным ФНИСЦ РАН, в 2018 г. 31% опрошенных признались в том, что желали бы для России восстановления статуса супердержавы, который был у СССР; ещё 7% отметили, что хотели бы видеть Россию лидером на постсоветском пространстве (Двадцать пять лет..., 2018). Само слово/понятие «СССР», по данным ФНИСЦ РАН, в 2016 г. вызывало положительные чувства у 53% опрошенных граждан, отрицательные эмоции – лишь у 8%. При этом среди молодых респондентов в возрасте 18-30 лет, уже «не заставших» Союз, почти треть (31%) признались в скорее положительных ассоциациях с СССР.

Одним из производных советской ностальгии явилась тенденция музеефикации советского прошлого. В 2000-2010-е гг. в ряде российских городов – Иваново, Казани, Москве, Новосибирске, Санкт-Петербурге, Ульяновске – были открыты музеи советского прошлого различной тематики. Важно, что создавались такие музеи по инициативе рядовых граждан, искренне симпатизировавших в первую очередь советской повседневной солидарности. И в этом смысле большинство «советских музеев» России резко отличались от антикоммунистических музеев Восточной Европы (Дом террора в Будапеште, Музей КГБ в Праге, музеи оккупации в Таллине и Риге, музеи советской оккупации в Киеве и Тбилиси). В отличие от восточноевропейских экспозиций, посвященных противостоянию местного населения коммунистической диктатуре, музеи советского образа жизни практически лишены идеологического подтекста.

Исследованию причин советской ностальгии посвящен отдельный пласт исследований, авторы которых указывают на комплекс поводов для симпатий прошлому. Как отмечает Б. Кагарлицкий, причины распространения «советской ностальгии» в умах современных россиян многообразны и в чем-то даже

¹ Результаты исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», 2017 г. Данные шестой волны исследования.

противоречивы. Одни сожалеют об утраченном равенстве, другие переживают из-за ослабления дисциплины и из-за того, что низы уже не так уважают начальство, как прежде; кто-то страдает по поводу реальной дружбы между людьми и народами, другим не даёт покоя утраченная «имперскость» [Кагарлицкий, 2012: 8–16].

О. Кашин пишет о том, что «неосоветский дискурс, как и любой реваншизм» в принципе имеет протестную природу – в том смысле, что симпатии советскому прошлому обусловлены далеко не столько советским благополучием, сколько глубокой неудовлетворенностью граждан современностью. «Люди, которые делают вид, что скучают по пионерлагерям или по поездкам на картошку, на самом деле проявляют свое недовольство тем, что есть теперь» (Кашин, 2018). И в этом смысле ностальгия по СССР, как пишет О. Кашин, представляет собою отнюдь не тоску по настоящему СССР. Речь идет об СССР выдуманном, «и каждое его выдуманное свойство, взятое с обратным знаком, описывает именно нашу современность». Как пишет О. Кашин, восторги по поводу советского быта отражают недовольство бытом современным, а мифологизация советской справедливости (притом, что, как пишет О. Кашин, «советская несправедливость – факт истории, а советская справедливость – факт мечты») будет тем сильнее, чем несправедливее будет устроена нынешняя Россия.

Традиционно в числе причин советской ностальгии исследователи называют дефицит коллективной солидарности, испытываемый гражданами современной России. Так, пытаясь ответить на вопрос о причинах советской ностальгии среди молодых россиян, И. Глущенко пишет, что «“советское” заполняет собой вакуум... потому что новая эпоха не создала ни позитивных символов, ни общепризнанных достижений» (Глущенко, 2011). В отсутствии значимых оснований коллективной идентичности и самобытности «“советское”... становится... якорем, за который держатся [респонденты], чтобы сохранить более или менее прочное представление о своей идентичности». Кроме того, советское прошлое, в отличие от «разобщённого» российского настоящего, предъявляет не только идеализированные примеры «коллективной сплочённости», но и достойные коллективные цели.

Приведенные выше данные социологических исследований ФНИСЦ РАН, действительно, позволяют говорить о том, что за 25-27 лет постсоветской истории единая гражданская общность не сложилась. Но при этом запрос на подобную солидарность силен. Чему, кстати сказать, активно способствовал ряд политических инициатив, направленных на институционализацию российской нации. В последние 4 года было создано Федеральное агентство

по делам национальностей, начата разработка закона о российской нации (Путин подал.., 2016а), планировалось проведение года единства российской нации (Путин поддержал.., 2016). Способствовали большему интересу граждан к основаниям и сути гражданской идентичности и заявления президента о необходимости укреплять государственность (В Москве завершился концерт... 2015) и отстаивать «геополитическую и историческую роль» (Путин, 2014а).

Пристальный интерес к истории – явление общемировое. По данным специального исследования Евробарометр «Культурное наследие», в сентябре-октябре 2017 г. подавляющее большинство европейцев заявили о важности культурного наследия и для себя лично (84%), и для их страны (91%) (Special Eurobarometer, 2017). Вместе с тем поиск современниками оснований коллективной идентичности в общем-то далекой советской истории вписывается в идеи Мориса Хольбакса о том, что историческое сознание рождается вследствие угасания регулярной социальной памяти сообщества (Хольбакс, 2005, с. 22-23). Внимание к истории как «заимствованной памяти» из значимых фактов того или иного периода возникает тогда, когда память о череде событий, значимых для той или иной группы, перестает поддерживаться группой, которая в этих событиях непосредственно участвовала, была их свидетелем или испытала на себе их последствия. Само представление о прошлом как череде периодов различной степени значимости отличает историю от «непрерывного хода мыслей» и преемственности коллективной памяти, которая, как пишет М. Хольбакс, «сохраняет только то, что еще живет или способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает» (2005). Коллективная память, в отличие от истории, как писал М. Хольбакс, находится в непрерывном развитии. Нет отчетливых разделительных черт, настоящее не противопоставлено прошлому. Коллективная память представляет группе ее собственный образ, развертываемый во времени, но таким образом, что группа всегда узнает себя в сменяющих друг друга картинах прошлого. Коллективная память удостоверяет, что группа остается, и остается одинаковой, изменения контекста не меняют фундаментальных черт группы.

Рассуждая в контексте идей М. Хольбакса, можно заметить, что коллективная память россиян далеко не последовательна и весьма неоднородна. Как уже отмечалось, воспоминания о периоде 1990-х гг. вытесняются, а период современности воспринимается как успешная компенсация потерянного после распада СССР благополучия. Сама же советская эпоха не только музеифицируется, обрастая мифами, но и часто превращается в единственный источник представлений об

атрибутах коллективной общности и связи не только поколений, но и представителей современности.

Присоединение Крыма как фактор консолидации

Значительное влияние на российское коллективное самосознание, несомненно, оказало присоединение в 2014 г. Крыма к России. Этому способствовала и государственная информационная политика: в декабре 2014 г. в послании Федеральному Собранию В. Путин заявлял, что «в Крыму... находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства» (Путин, 2014b). А в августе 2017 г. В. Путин подчеркнул ключевую роль региона в централизации российского государства, отметив, что после крещения князя Владимира в Херсонесе именно отсюда «началось последовательное укрепление централизованного российского государства» (Путин заявил..., 2017). Впрочем, в течение всех постсоветских лет последовательно складывался целый спектр разнообразных причин для массового ликования россиян по поводу присоединения Крыма к 2014 г. И в ряду этих причин запрос на объединяющее общенациональное начало был далеко не последним.

По данным социологических опросов, многие россияне (44%) считают, что в череде событий последних 25 лет присоединение Крыма к России является одним из наиболее значимых поводов для национальной гордости (Двадцать пять лет..., 2018). Соизмеримо велика гордость россиян лишь за российскую армию (46%). А поскольку, по признанию В. Путина, «за спиной сил самообороны Крыма, конечно, встали наши военнослужащие», и в присоединении Крыма участвовали «спецназ ГРУ,... ВДВ, морская пехота,... другие [воинские] подразделения» (Путин, 2014с), гордость за армию и флот, вероятно, связана с прямым их участием в присоединении. Кроме того, в кризисные периоды россияне часто вспоминают присказку о том, что национальные армия и флот самые верные союзники России. Интересно, что военные успехи страны в качестве повода для национальной гордости россияне называли чаще (44-46%) чем успехи официальной дипломатии последних 25 лет (12%) или достижения российской науки (14%).

Представленные ВЦИОМ в мае 2018 г. данные подтверждают, что в авангарде поводов национальной гордости, достигнутых в последние 25 лет – развитие вооруженных сил (18%) и «возврат Крыма» (12%). (Россия – великая..., 2018). Несмотря на постсанкционное ухудшение уровня жизни в стране, фиксируемое и

экономистами (Санкции замедлят рост... 2017), и собственно гражданами, подавляющее большинство россиян (91%), по данным ВЦИОМ, все равно полагают правильным принятие Россией Крыма в состав Российской Федерации (Крым: четыре года... 2018). За 4 года, прошедшие после присоединения полуострова, этот показатель сократился лишь на 4%. Остается высокой доля уверенных в том, что вхождение Крыма в состав РФ принесло стране больше пользы, чем вреда. Этот показатель, хотя и несколько сократился за последний год (с 78% в марте 2017 г. до 69% в марте 2018 г.), все еще высок (Крым: четыре года..., 2018). Более того, если верить данным ВЦИОМ, год от года доля уверенных в том, что «Крым – это Россия» только возрастает (с 89% в 2014 г. до 97% в 2017 г.) (Крым и Севастополь..., 2017).

Представляется, что «особое» отношение многих россиян к Крыму и его роли в российской истории вписывается в теоретические рамки предложенной Пьером Нормой концепции «мест памяти». Понимая «места памяти» как «объекты ритуала», наделенные «символической аурой» воспоминания, в которых национальная «память кристаллизуется и находит свое убежище» (Нора, 1999, с. 17), П. Нора относил к таковым любые объекты, сочетающие свойства материальной, символической и функциональной коммеморации (Нора, 1999, с. 39).

Рассматривая в рамках концепции «мест памяти» пространство крымского полуострова, можно отметить, что оно не только физически «вместило» сразу несколько мифологем, символически значимых для российской истории и коллективной идентичности, но и стало символом ее исторической состоятельности. В Крыму, в Херсонесе, крестился князь Владимир, так что Крым символизирует, с одной стороны, христианскую преемственность России от Византии. С другой стороны, Крым стал символом последовательной борьбы Российской империи за выход к Черному морю (Севастополь был основан после подписания Кючук-Кайнарджийского договора, предоставлявшего российскому флоту право прохода по Черному морю и Черноморским проливам). Наконец, территория полуострова является напоминанием о выдающемся человеческом мужестве участников Великой Отечественной войны (Крымская оборонительная операция, вторая оборона Севастополя, боевые действия на Керченском полуострове). В контексте того, что Победа в Великой Отечественной войне и послевоенное восстановление страны воспринимаются гражданами главными символами величия страны, не только территориализация пространством полуострова памяти о военном времени, но и глубоко советские корни идентичности многих

крымчан прочно вписывают регион в системообразующий национальный миф.

Одобрение многими гражданами «крымской ирреденты», кажется, свидетельствует, что присоединение Крыма вернуло россиянам забытое ощущение национального единства и даже национальной гордости. Многие эксперты полагали высокий «посткрымский» электоральный рейтинг В. Путина и уровень одобрения его деятельности следствием в том числе и присоединения полуострова (Antonovsky, 2017). Как отмечал в этой связи А. Левинсон, посткрымское одобрение деятельности В. Путина на посту президента на уровне не ниже 80% есть индикатор в первую очередь потребности «нации в символическом объединении» (Левинсон, 2018). Во всяком случае, связанными кажутся рекордно высокие электоральные результаты В. Путина в Крыму (92%) и Севастополе (90%) на президентских выборах в марте 2018 г. и размещенные на территории полуострова накануне голосования баннеры «18 марта – день, когда мы вернулись домой».

«Возвращения Крыма домой» в 2014 г. – ключевой нарратив для понимания казалось бы парадоксальной ситуации сочетания готовности многих граждан отказаться от имперских настроений в отношении постсоветского пространства и системообразующей для коллективной идентичности роли советских символов. К середине 2010-х гг. в восприятии Крыма многими россиянами как гетеротопии, «многослойного» «места памяти», сошлись представления о нарастающей изоляции, инаковости, отличности, в первую очередь, от ближайших соседей, и потребность в национальной мобилизации.

В значительной степени это связано с тем, что Крым для современной российской идентичности выступил в качестве культурного фронта. Крым является фронтальным регионом прежде всего в том буквальном смысле, который вкладывал в него Ф.Дж. Тернер (Тернер, 2009). Историческая подвижность крымских границ (географических, социо-культурных, коммуникативных и пр.) стала определяющим фактором развития уже древнегреческих колоний Северного Причерноморья. Вместе с тем, контекст «вписанности» региона в символическое пространство сначала Российской империи, а затем и Советского Союза в качестве военно-морского форпоста символизировал успех имперских усилий по освоению новых территорий и защите собственных границ. И.В. Задорин предлагает рассматривать современный Крымский регион в качестве фронта исходя в первую очередь из его «приграничности», существования в контексте интенсивной трансграничной коммуникации и

«повышенного влияния различных «приграничных» государств и культур» (Задорин, 2018, с. 103).

Факт «пограничности» Крыма, несомненно, сыграл значительную роль в восприятии его как значимого для российской истории региона. В 2014 г., на волне событий украинского национального самоопределения, разворачивавшегося в том числе и через декоммунизацию, многие россияне стали воспринимать Крым одновременно и как символ, и как форпост советского наследия. Само присоединение региона казалось многим смутным прообразом возвращения СССР. Многие исследователи обращали внимание не только на «советский характер» туристической инфраструктуры полуострова, но и на советскую ментальность крымчан, которые, мечтая «вернуться не столько в нынешнюю Россию, сколько в СССР» (Петухов, Бараш, 2014, р. 97), в ценностном измерении являли собою чуть ли не «последний советский бастион» (Казарин, 2018). Сосредоточившись на исследовании городского пространства Севастополя, Карл Д. Куоллс пишет о том, что городская биография несет в себе наследие двух веков воинского героизма, в том числе и советского. Это нашло прямое отражение не только в мемориальных сооружениях, но и в городской архитектуре, практически воссозданной заново после чудовищных разрушений в годы Великой Отечественной войны. В послевоенной архитектуре был задан контекст существования города как военного служения советской Родине (Qualls, 2015, стр. 94). Как пишет Карл Д. Куоллс, после 1991 г. городское пространство Севастополя скорее соответствовало советскому прошлому, чем конкурировало с ним (Qualls, 2015, стр. 110). Так что локальная история города сохранилась в формате, невозможном для многих городов Восточной Европы, переживших декоммунизацию, в том числе и городского пространства. На протяжении последних 25-27 лет воображаемые россиянами границы культурной общности и коллективной идентичности постепенно «сжимались» под влиянием суверенизации и нациестроительства в постсоветских республиках. Но переплетение в дискурсе сторонников Евромайдана 2011-2014 гг. идей национального самоопределения и борьбы с коммунистическим (и значит – советским) наследием оказалось резко несовместимым с контекстом многолетнего восприятия Крыма в пространстве исторической памяти россиян как неразрывно связанного со славным советским прошлым. Коллективная память граждан, фундированная советским наследием как единственным достойным основанием для консолидации в настоящем, превратила Крым в форпост защиты своих ценностей.

Постколониальное переосмысление «фронтира» связано с перенесением смысловых акцентов с характеристик «пограничности» и «освоения», считавшихся ранее ключевыми, на атрибуты множественности, изменчивости и мультикультурности. И в этом смысле Крыму присущи также и те характеристики фронтирного региона, которые были предложены современными исследователями проблемы: этнокультурная неоднородность жителей, неравная численность и амбивалентно-конфликтное взаимодействие проживающих в регионе этнокультурных групп, окраинное геополитическое положение региона и существование «естественных пограничных рубежей», зонирование пространства фронтира. (Басалаева, 2012). Учитывая как минимум непроясненность международного статуса региона и, соответственно, непрозрачность обстоятельств (социально-политических, правовых, экономических и пр.) актуального существования региона в составе Российского государства, можно говорить о том, что Крым соответствует и предложенному Н.Ю. Замятиной квалифицирующему признаку фронтира как «зоны неустойчивого равновесия» (Замятина, 1998).

При этом своеобразии фронтирного региона связано не только и не столько с его собственной сложностью. Уже в рамках оригинальной интерпретации фронтирной теории предполагалось онтологическое и эпистемологическое взаимовлияние метрополии и пограничного региона. Ф.Дж. Тернер писал, что «американское общественное развитие постоянно начиналось на территории фронтира снова и снова», что в итоге и сформировало американскую национальную культуру, наделив «американский интеллект... своими потрясающими чертами» (Тернер, 2009, стр., 38-39). Следовательно, не только последовательная колонизация создает фронт; одновременно и регион, находящийся на переднем крае освоения нового пространства и встречи с культурным «Другим» создает и регулярно ре-актуализирует идентичность осваивающей новые пространства нации. Современные исследователи предлагают в принципе выйти за рамки классического колониалистского дискурса фронтирной теории и рассматривать зону фронтира в первую как процесс и результат социального конструирования фазового (смыслового, признакового) пространства, базовые значения которого седиментируются в «статике» территориальной идентичности (Басалаева, 2012, стр. 21). М. Наум пишет о том, что фронт должен пониматься в широком смысле – как любые условия «пограничья» (вне зависимости от наличия / отсутствия колониального прошлого), создающие условия для переопределения или создания новых идентичностей (Naum, 2010, стр. 131).

И в этом смысле одобрительное отношение многих россиян к нарративу «Возвращения Крыма домой», в том числе в его упрощенной до мема «Крымнаш» форме, представляют собою отражение отнюдь не реваншистских настроений россиян, но попытку ре-актуализировать тот набор составляющих элементов коллективной идентичности, который седиментировался в массовом сознании к середине 2010-х гг. Обстоятельства сложились так, что из многих значимых для коллективной российской идентичности «мест памяти» крымской гетеротопии хронологически ближе и понятнее стали те, что служили коммеморации славного наследия советской эпохи. Под влиянием центробежных тенденций на постсоветском пространстве, нередко сопряженных с антисоветским дискурсом политических идеологий государств-соседей, Крым стал восприниматься многими как форпост, граничащий с культурно инаковым «Другим». Включение региона в состав России актуализировало интерес к исторической ретроспективе Крыма. Это вошло в резонанс с поиском российским обществом поводов для коллективной гордости.

В отличие от присоединения Крыма, иные события «новой истории» России граждане не считают столь же достойными поводами для национального объединения и гордости. Усилиями по приобретению Россией международного авторитета гордятся чуть более четверти опрошенных (29%), ликвидацией «железного занавеса» между Россией и остальным миром – 16%, внешней политикой российского государства по отстаиванию национальных интересов страны – только 12% респондентов.

Около трети респондентов (от 31 до 38%) признаются в гордости за российскую культуру, литературу и искусство, за достижения космонавтики и космической техники, а также – за российский спорт. Большинство россиян с обозначенными сферами взаимодействуют ограниченно; скорее всего, высокие оценки спортивных достижений, как и актуального положения в российском искусстве, культуре, литературе и космонавтике, связаны с превращением данных отраслей в «витрины» национальной гордости и даже в определенном смысле – в «парадные ценности». В середине 1990-х гг. В. Шляпентох, рассуждая о социальной структуре российского общества, писал о том, что, несмотря на социальное сегментирование, в пореформенной России «существует общая национальная культура с общим языком, общими ценностями и традициями». Называя те немногочисленные ценности, по принятию которых в обществе существовал консенсус, «парадными», В. Шляпентох подчеркивал, что их число «невелико и, главное, значительная часть из них мало влияет на реальное поведение людей»

(Шляпентох, 1997, с. 103-104). Выводы В. Шляпентоха кажутся справедливыми и сейчас. С той лишь поправкой, что за последние 20 лет и без того невеликое количество таких парадных ценностей еще больше сократилось, и в их число постепенно «влились» мифологизированные представления о былом величии страны в спорте, искусстве и освоении космоса.

Однако все то, что составляет регулярную суть российской повседневности, не особенно радует россиян. Состояние отечественного здравоохранения, образования, уровень развития промышленности и сельского хозяйства на протяжении последних 25 лет кажется достойным гордости лишь 5-8% россиян. Доля тех, кто гордится системой социальной защиты граждан, находится в пределах статистической погрешности и составляет 2,5%. Еще хуже, в представлении граждан, дела обстоят с системой политических институтов, сформированных в период «суверенной России» (1,5%). Получается, что сферы, которые должны выступать регулярными поводами для социальной солидарности и коммуникации, практически скрепляя национальное единство, совсем не пользуются авторитетом у граждан.

Неслучайно в марте 2017 г, через полгода после анонсирования Президентом задачи создания закона «О российской нации», участники рабочей группы по разработке законопроекта резюмировали, что российское общество неподготовленно «к восприятию такого понятия, как единая нация, объединяющая все национальности» (Закон... 2017). Они предложили направить усилия на подготовку законопроекта «Об основах государственной национальной политики».

Обращает на себя внимание, что лишь 19% опрошенных гордятся достижением мира на Северном Кавказе. С одной стороны, этот относительно невысокий показатель позволяет говорить о том, что многим россиянам регион все еще кажется проблемным и в плане безопасности, и с точки зрения общей интегрированности в пространство страны. И это при том, что медийная «картинка» о ситуации на Северном Кавказе давно перестала подаваться в алармистском ключе, ее сменили сюжеты о развитии сельского хозяйства и промышленности в этом регионе.

С другой стороны, учитывая, что Северный Кавказ, как и Крым, регион-фронт, нельзя не обратить внимания, насколько в представлении граждан различается восприятие этих пограничных территорий. И крымский, и северокавказский фронт условно похожи и не похожи на российский материк. Ю.В. Баева пишет о том, что для территорий Южного фронта России в целом характерно

историческое формирование на стыке нескольких социо-культурных векторов развития (Баева, 2016, с. 40). Как и присоединение Крыма, методы интеграции отдельных северокавказских республик далеко не всегда соответствовали нормам международного права, а экономическая поддержка регионов-доноров сопряжена с серьезными экономическими вливаниями из федерального бюджета. Но, согласно данным опроса ФНИСЦ РАН, усилия по «замирению Кавказа» совсем не кажутся россиянам столь же значимым, как присоединение Крыма. Общим местом еще с момента публикации классической работы Ф.Дж. Тернера является тезис об особой ментальности живущих здесь людей. Жители обоих регионов, как это бывает на фронтире, являются носителями традиций, нетождественных соседствующим группам (Епимахов, 2018, стр. 210), своеобразной идентичности, отличной от материковой. Однако Н.Ю. Замятина пишет о том, что на краю обжитых территории традиционно оказывались люди сходной закваски: волей чрезвычайных обстоятельств, из-за неумеренных амбиций или просто непоседливого характера «вытолкнутые» из традиционного общества своей страны (Замятина, 1998). И в этом смысле, как отмечалось ранее, через идентичность жителей фронтира, а вернее, через ощущение культурного наполнения «переднего края» национального сообщества, жители метрополии традиционно – прямо или косвенно – переопределяли собственное культурное «я». Разница в восприятии процессов, которые в широком смысле могут трактоваться как проявление имперской и даже колониалистской парадигмы государственной политики – а именно, присоединения Крыма и «замирения» Кавказа – сегодня в большей степени есть отражение ощущения культурной близости данных регионов. Получается, что ключевая роль в оценке условной успешности «вписанности» регионов в «культурное тело» нации связана не с территориальным, а с аксиологическим (в широком смысле) измерением. Фронтирная территория сегодня воспринимается «своей» не по факту ее колонизации/сецессии/ирреденты, а через возможность культурной метрополии переопределить собственную идентичность через ценности тех, кто проживает на фронтире, удостоверившись таким образом в состоятельности / жизнеспособности / конкурентоспособности / востребованности собственных ценностей.

Представляется, что не последнюю роль в положительном восприятии «крымской ирреденты» сыграла потребность многих граждан в сопричастности к гражданской общности, достойной гордости. Результаты «крымского референдума» многие россияне интерпретировали как редкое – в условия нарастающей внешнеполитической изоляции – стремление [крымчан] жить по-

российски (в отличие, кстати, от позиции многих представителей северокавказских республик). Это, кстати сказать, добавляет степени обоснованности тезису о том, что фронтир – категория не пространственная или территориальная, но эпистемологическая.

Резюмируя социологические данные, можно говорить о том, что поиск оснований коллективной идентичности, шедший в российском обществе в течение всего постсоветского периода, под влиянием внешнеполитического изоляционизма и падения уровня и качества жизни за последние 4 года заметно усилился. Однако наследие постсоветского периода не предоставило россиянам особенных поводов для национальной гордости, что заставило их обратиться к советскому прошлому за основаниями, объединяющими общество.

И в этом контексте массовое ликование по поводу присоединения Крыма – в значительной степени следствие попытки символически «связать» российское настоящее со славным советским прошлым. Территориализация самим крымским ландшафтом символов последовательного утверждения гражданской советской нации, символическое наследие которой центрирует современную российскую идентичность, в значительной степени способствовало восприятию региона как значимого и важного.

В нарративе «возвращения Крыма домой» сошлась готовность многих граждан отказаться от имперских настроений в отношении постсоветского пространства и их ощущение ключевой для современной российской идентичности роли советского наследия. К середине 2010-х гг. в восприятии Крыма многими россиянами как гетеротопии, «многослойного» «места памяти» сошлись представления о нарастающей изоляции, инаковости, отличности, в первую очередь, от ближайших соседей, и потребность в национальной мобилизации. Это привело к тому, что к середине 2010-х гг. Крым для современной российской идентичности превратился в своеобразный культурный фронтир, удостоверивший состоятельность той системы ценностей российского общества, которая была актуально востребована гражданами.

Список литературы

- Antonovsky, A. (2017). Technologies of the Electoral Process: A Field Study of the Possibility of Informative Communication. *Russian Studies in Philosophy* (55). pp. 37-45.
- Back in the USSR?* (2016). ВЦИОМ (3274). Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116009>

- Naum, M. (2010). Re-emerging Frontiers: Postcolonial Theory and Historical Archaeology of the Borderlands. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 17. (2), pp. 101–131.
- Qualls, K. D. (2015). Manufacturing Local Identification behind the Iron Curtain in Sevastopol, Ukraine after World War II / In Beyen, M., & Houndsmill D. B. *Local Memories in a Nationalizing and Globalizing World*. London: Palgrave Macmillan, pp. 94-114.
- Баева, Л. В. (2016). Проблемы культурной безопасности в изучении фронтальных регионов. *Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология*, (2), стр. 37-42.
- Барт, Ф. (2006). Введение. В Ф. Барт (Ред.), *Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий*. М.: Новое издательство.
- Басалаева, И. П. (2012). Социально-философские основания концепции фронта Ф. Дж. Тернера. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, (21), стр. 21-28.
- Басалаева, И. П. (2012). Критерии фронта: к постановке проблемы. *Теория и практика общественного развития : электрон. науч. журнал*, (2), стр. 46-49.
- В Москве завершился концерт, посвященный годовщине присоединения Крыма к России* (2015). Retrieved from Общественное Российское телевидение. <https://otr-online.ru/news/v-moskve-zavershilsya-41912.html>.
- Гусейнов, Г. Ч. (1999). Карта нашей Родины и “граница на замке”: превращение идеологемы. В О. Бредниковой, & В. Воронкова (Ред.), *Кочующие границы: сб. статей по материалам международного семинара* (7), (стр. 75-78). СПб.: Труды.
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа общества после президентских выборов 2018: запрос на перемены* (2018). Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир.
- Евгеньева, Т. В. & Селезнева, А. В. (2017). Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. (4), стр. 48-64.
- Евразийский монитор* (2004). Исследовательская группа Циркон. Retrieved from <http://www.zircon.ru/upload/iblock/8d2/041022.pdf>
- Единство нации: что нас объединяет?* (2018). ВЦИОМ (3805). Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9404>.

- Епимахов, А. В. (2018). Теория фронта и археология бронзового века Урала. *Quaestio Rossica*, (1), стр. 207-219.
- Задорин, И.В. (2018). Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости». *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, (2), стр. 102-136
- Закон о российской нации переименовали из-за «неготовности общества»* (2017). РБК.ру. Retrieved from <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58be037c9a7947ec1775ca3e>
- Замятин, Д. Н. (2006). *Культура и пространство: Моделирование географических образов*. М.: Знак.
- Замятина, Н. Ю. (1998). Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культурах. *Общественные науки и современность*, (5), стр. 75-89.
- Интеграционный барометр ЕАБР* (2017). Евразийский Банк Развития, (46), стр. 6-7. Retrieved from http://russiancouncil.ru/upload/iblock/d71/edb-centre_2017_report-46_edb-integration-barometer_rus.pdf
- Казарин, П. (2018). *Реквием по себе*. Крым. Реалии. Retrieved from <https://ru.krymr.com/a/29068069.html>
- Кашин, О.В. (2018). *Хруст советской булки. Почему об СССР до сих пор так много спорят. Мифологизация прошлого как протест против настоящего*. Republic.ru. Retrieved from https://republic.ru/posts/88811?utm_source=slon.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning.
- Крым: четыре года с Россией* (2018). ВЦИОМ (3604). Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8993>
- Крым и Севастополь: три года с Россией* (2017). ВЦИОМ (3328). Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116112>
- Левинсон, А. (2018). 86% за «Крымнаш». *Ведомости*. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/04/03/755654-krimnash>
- Нора, П. (1999). Франция-память*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та.
- Петухов, В. В. & Бараш, Р. Э. (2014). Русские и «Русский мир»: исторический контекст и современное прочтение, *Полис. Политические исследования*, (6), стр. 83-101.
- Путин заявил о необходимости создать «российскую Мекку» в Херсонесе* (2017). Retrieved from https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201708182158-kqjb.htm

- Путин подал национальную идею (2016). Gazeta.ru. Retrieved from https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/31_a_10295957.shtml#page1
- Путин поддержал предложение разработать закон о российской нации (2016) РБК. Retrieved from <https://www.rbc.ru/politics/31/10/2016/5817699c9a7947df2118164e>
- Путин, В. В. (2014а). *Послание Президента Федеральному Собранию*. Президент России. Retrieved from <http://eng.kremlin.ru/transcripts/6889>
- Путин, В.В. (2014b). *Послание Федеральному Собранию*. Президент России. Retrieved from <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>
- Путин, В.В. (2014с) *Прямая линия с Владимиром Путиным*. Президент России. Retrieved from <http://kremlin.ru/events/president/news/20796>
- Российская идентичность в социологическом измерении* (1998). Институт социологии Российской Академии Наук. Retrieved from http://www.isras.ru/analytical_report_Ident0.html
- Российское общество и вызовы времени. Книга первая*. (2015). Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир.
- Россия – великая держава* (2018). ВЦИОМ (3664) Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9106>
- Санкции замедлят рост российского ВВП на 0,5 п.п. в год, сообщил Кудрин* (2017). РИА Новости. Retrieved from <https://ria.ru/economy/20170602/1495717311.html>
- СССР: сказка о потерянном референдуме (2016). ВЦИОМ (3058) Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115619>
- Страна глазами "поколения Путина". Что думают о России ее молодые граждане* (2018). Радио Свобода. Retrieved from <https://www.svoboda.org/a/29525065.html>
- Тернер, Ф. Дж. (2009) *Фронтир в американской истории*. М.: Весь мир.
- Хальбвакс, М. (2005). Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас*, (2–3), стр. 8- 27.
- Шляпентох, В. Э. (1997). «Четыре России: какая победит». В *Заметки социолога. Время и мы*. Нью-Йорк, М., Иерусалим, (138), стр. 96-114.
- Штельтинг, Э. (1999). Социальное значение границ. В О. Бредниковой, & В. Воронкова (Ред.), *Кочующие границы: сб. статей по материалам международного семинара* (7), (стр. 5-8). СПб.: Труды.

**THE PROCESS OF SEARCH OF THE FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN
NATIONAL IDENTITY AFTER THE 2014'TH: THE CONTEXT OF THE
FRONTIER STUDIES**

Barash, R. E.

DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10027

Barash Raisa Eduardovna, Institute of Sociology of the FCTAS RAS.
117218, Russia, Moscow, Krzhizhanovskogo str., 24/35, build. 5.
E-mail: raisabarash@gmail.com

The author applies to the data of sociological research and resumes that the modern collective identity of the Russia's citizens is actually based on the Soviet system of values. It is noted that the events of the post-Soviet history could not provide the Russian society with new reasons for unification into a political nation. So the events of the Soviet history are the key markers of national pride and the basic foundations of the Russia's civil nation. Judging upon the recent events the Russia's citizens confess that they are proud just of the accession of the Crimea and the success of the armed forces. At the same time by the 2014'th many Russians used to feel that the civil identity is territorialized in the state borders of Russia. Whereas in 1990-ies many citizens claimed that Russia has symbolic connection with the post-Soviet space itself.

It is noted in the article that unification of Russia with Crimea in 2014 coincided with the request of the Russian society to search for the glorious reasons for collective pride. In the narrative of "returning Crimea to home", there was an agreement on the willingness of many citizens to abandon imperial sentiments regarding the post-Soviet space and their sense of the key role for the modern Russian identity of the role of the Soviet heritage.

By the mid of the 2010-ies my Russia's citizens became to perceive Crimea as a cultural frontier, that certified the consistency of the value system by the Russia's society. So the mass jubilation over the annexation of Crimea, that one could see in Russia, comes not from the mass revanchist sentiments of citizens, but from their desire to "link" symbolically the Russia's present with the glorious Soviet past.

Keywords: identity, political nation, frontier, border, Crimea, "place of memory", values, irredentation, secession, memory

References:

- Antonovsky, A. (2017). Technologies of the Electoral Process: A Field Study of the Possibility of Informative Communication. *Russian Studies in Philosophy* (55). pp. 37-45.
- Back in the USSR?* (2016). ВЦИОМ (3274). Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116009>
- Naum, M. (2010). Re-emerging Frontiers: Postcolonial Theory and Historical Archaeology of the Borderlands, *Journal of Archaeological Method and Theory*, (Vol. 17. Iss. 2), pp. 101–131.

- Qualls, K. D. (2015). Manufacturing Local Identification behind the Iron Curtain in Sevastopol, Ukraine after World War II / In Beyen, M., & Houndsmill D.B. *Local Memories in a Nationalizing and Globalizing World*. London: Palgrave Macmillan, pp. 94-114
- Baeva, L. V. (2016). Problems of Cultural Safety in the Study of Frontiers. *Humanitarian Vector. Series Philosophy. Cultural Studies*, (2), pp. 37-42.
- Barth, F. (2006). Introduction. In F. Bart (Ed.), *Ethnic Groups and Social Borders: The Social Organization of Cultural Differences*. M.: Novoe Izdatelstvo.
- Basalaeva, I. P. (2012). Socio-philosophic foundations of turner's frontier thesis. *Vestnik Kemerovskogo gos. universiteta kul'tury i iskusstv* (21). Pp. 21-28
- Basalaeva I. P. (2012). Criteria for frontier: statement of the problem. *Theory and practice of social development: electron. scientific Journal*, (2), Pp. 46-49.
- The concert dedicated to the anniversary of the annexation of Crimea to Russia ended in Moscow* (2015) // Obshchestvennoye Rossiyskoye televideniye. URL: <https://otr-online.ru/news/v-moskve-zavershilsya-41912.html>
- Huseynov, G. Ch. (1999). The map of our Motherland and the "border on the castle": the transformation of the ideologem. In O. Brednikova, & V. Voronkova (Ed.), *The Nomadic Limits: Coll. articles on the materials of the international seminar* (7), (pp. 75-78). SPb.: Trudi.
- Twenty-five years of social transformation in the assessments and judgments of Russians: the experience of sociological analysis of the society after the presidential election in 2018: a request for change* (2018). Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' Mir publ.
- Evgeneva, T. V. & Selezneva, A.V. (2017). Transformation of the national-state identity of Russian youth in the post-Soviet period: value bases and symbolic representations. *Politia: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*. (4), pp. 48-64.
- Eurasian Monitor* (2004). Zircon Research Group. Retrieved from <http://www.zircon.ru/upload/iblock/8d2/041022.pdf>
- The unity of the nation: what does unify us?* (2018). VTsIOM (3805). Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9404>.
- Epimahov, A. V. (2018). Frontier theory and archeology of the Bronze Age of the Urals. *Quaestio Rossica*, (1), pp. 207-219.
- Zadorin, I. V. (2018). Regions of the "boundary": territorial identity and the perception of "singularity". *Politia: Analysis. Chronicle*.

- Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)*, (2), pp. 102-136
- The law on the Russian nation was renamed due to the “unreadiness of society”* (2017). RBC.ru Retrieved from <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58be037c9a7947ec1775ca3e>
- Zamyatin, D. H. (2006). *Culture and Space: Modeling Geographical Images*. М.: Sign.
- Zamyatina, N. Yu. (1998). Development zone (frontier) and its image in American and Russian cultures. *Social Sciences and Modernity*, (5), Pp. 75-89.
- Integration Barometer EDB* (2017). Eurasian Development Bank, (46), Pp. 6-7. Retrieved from http://russiancouncil.ru/upload/iblock/d71/edb-centre_2017_report-46_edb-integration-barometer_rus.pdf
- Crimea and Sevastopol: three years with Russia* (2017). VTsIOM (3328). Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116112>
- Kazarin P. (2018). Requiem for himself. Krym. Realii. Retrieved from <https://ru.krymr.com/a/29068069.html>
- Kashin, O. V. (2018). *The crunch of a Soviet roll. Why is there still much debate about the USSR? Mythologization of the past as a protest against the present*. Republic.ru. Retrieved from https://republic.ru/posts/88811?utm_source=slon.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning.
- Crimea: four years with Russia* (2018). VTsIOM (3604). Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8993>
- Levinson, A. (2018). *86% of respondents supports the idea of "Krymnash"*. Vedomosti. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2018/04/03/755654-krimnash>
- Nora P. (1984). *Les Lieux de mémoire* (Т. 1). Gallimard: La République.
- Petukhov, V. V., Barash, R. E. (2014). Russians and the “Russian World”: historical context and modern interpretation, *Polis. Political Studies*, (6), pp. 83-101.
- Путин заявил о необходимости создать «российскую Мекку» в Херсонесе* (2017). Retrieved from https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201708182158-kqjb.htm
- Putin submitted the national idea* (2016). Gazeta.ru. Retrieved from https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/31_a_10295957.shtml#page1
- Putin supported the proposal to develop Russian nation’s law (2016). RBC. Retrieved from <https://www.rbc.ru/politics/31/10/2016/5817699c9a7947df2118164e>

- Putin, V. V. (2014a). *The annual Presidential Address to the Federal Assembly*. President of Russia. Retrieved from <http://eng.kremlin.ru/transcripts/6889>
- Putin, V. V. (2014b). *The Presidential Address to the Federal Assembly*. President of Russia. Retrieved from <http://kremlin.ru/events/president/news/47173>
- Putin, V. V. (2014c). *Direct line with Vladimir Putin*. President of Russia. Retrieved from <http://kremlin.ru/events/president/news/20796>
- Russia is a great state (2018). VTsIOM (3664). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9106>
- Russian identity in the sociological dimension* (1998). Institut sotsiologii Rossiyskoy Akademii Nauk: Retrieved from http://www.isras.ru/analytical_report_Ident0.html
- Russian society and the challenges of time. The first book* (2015). Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' Mir publ.
- Kudrin said that sanctions will slow the growth of the Russian GDP by 0.5 percentage points. per year* (2017). Ria.ru. Retrieved from <https://ria.ru/economy/20170602/1495717311.html>
- USSR: the fair-tale about the lost referendum* (2016). VTsIOM (3058) Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115619>
- The state through the eyes of the "Putin's generation." What do young citizens think about Russia (2018). Radio Svoboda. Retrieved from <https://www.svoboda.org/a/29525065.html>
- Turner, F.J. (1962). *The frontier in American history*. N.Y.: Henry Holt And Company.
- Halbwaks, M. (2005). Collective and historical memory. *Neprikosnovenny zapas*, (2-3), pp. 8-27.
- Shlapentokh, V.E. (1997). "Four Russia: which one will win." In Notes of the sociologist. Time and we. New York, M., Jerusalem, (138), pp. 96-114.
- Stölting, E. (1999). The social significance of boundaries. In the transformation of the ideologem. In O. Brednikova, & V. Voronkova (Ed.), *The Nomadic Limits: Coll. articles on the materials of the international seminar* (7), (pp. 5-8). SPb .: Trudi.